

ЛЕГЕНДА О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ И БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

Древнерусское летописное «сказание» (легенда) о призвании варяжских князей оставалось в центре внимания отечественной историографии на протяжении тысячелетнего ее развития, несмотря на смену идеологий и даже общественных формаций. Особое значение сказание приобретало в периоды идеологических кризисов: начало Русского государства следовало привести в соответствие с его настоящим. В эпоху сложения централизованного государства эта потребность привела к трансформации летописного сказания и созданию «Сказания о князьях владимирских», где неизвестный Европе Рюрик должен был стать потомком Августа. Его варяжское (скандинавское) происхождение не устраивало власти в эпоху борьбы Российской империи за господство на Балтике, что породило «антинорманизм», утверждение о славянском этносе варягов и т. п. Западники и славянофилы, в зависимости от собственных представлений о путях развития России, готовы были ассоциировать призвание варягов с исконной необходимостью европейских преобразований или с незыблемой привязанностью России исключительно к славянским корням: тогда главным было обоснование славянского происхождения варягов и призванных князей. Господство марксистских схем в советской историографии приводило к утверждению о приоритете «местных» начал (базиса) в развитии государственности, формировании феодальных отношений в Восточной Европе в VIII в. (до призвания варягов) и т. п. В шовинистической идеологии послевоенного периода летописное сказание стало ассоциироваться с нацистскими идеями о неспособности славянской «расы» к самостоятельному развитию. Сам летописный текст воспринимался как чуждый «патриотической» русской летописи, свидетельствующей об исконно славянских истоках государственности: еще в 80–90-х годах XX в. Б. А. Рыбаков утверждал, что «чья-то рука изъела из Повести временных лет самые интересные страницы и заменила их новгородской легендой о призвании князей-варягов»¹. Эта «рука» принадлежала редактору князя Мстислава, женатого на английской принцессе и связанного с варягами. Однако развитие исторической и филологической науки, а прежде всего, массовый археологический материал требовали осмысления источников вне навязываемых официальных тенденций и стереотипов.

Осознание этих требований привело уже в 70-е годы XX в. к инициативе по изданию зарубежных источников по истории народов СССР, в том числе скандинавских, призванных пролить свет на русско-скандинавские отношения. Инициатор этого направления в историографии В. Т. Пашуто охарактеризовал призвание варягов как результат договорных отношений между предгосударственной конфедерацией племен Севера Восточной Европы и дружинами варягов: договор — «ряд», по которому призванные князья должны были подчиняться законам (правде) призывающих племен, стал основой развития русской государственности². К близким заключениям пришел тогда же В. Л. Янин, усмотревший в призвании варягов победу исконной (родоплеменной) вечевой традиции над амбициями агрессивной княжеской власти. Это заключение основывалось на археологическом исследовании средневековой культуры Новгорода: ее самобытность была очевидной³. Параллельно археологические источники по «норманнской проблеме» исследовались в семинарах при кафедрах археологии ЛГУ (рук. Л. С. Клейн) и МГУ (рук. Д. А. Авдусин)⁴. Уже в 90-е годы XX в., когда стало возможным открытое обсуждение проблем начальной Руси, автором и Е. А. Мельниковой были опубликованы работы, посвященные проблемам договора («ряда») в становлении государственности и месту легенды о призвании варягов в формировании древнерусской историографии⁵.

¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 142.

² Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 86; Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 103, 110.

³ См. переиздание работ: Янин В. Л. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 11–12.

⁴ Л. С. Клейн готовит к публикации материалы по работе этих семинаров.

⁵ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44–57; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории Восточной Европы (далее — ДГ). 1990. С. 219–229.

За прошедшее десятилетие появились принципиально новые исследования древнейших русских городов, упомянутых в варяжской легенде, — Новгорода (Городища)⁶, Ладоги⁷, Белоозера⁸ и Изборска⁹, без учета которых трудно представить начальное развитие городской сети и государственности. Расширились исследования скандинавских древностей в бассейне Балтийского моря, в том числе в славянском мире (работы Б. Вербарт, И. Янсона, В. Дучко и др.)¹⁰; по-новому стали интерпретировать отношения внутри собственно славянского мира, в том числе между славянами севера Восточной Европы (словенами), среднеднепровского юга и балтийскими славянами (А. А. Зализняк, В. Л. Янин). Особое значение приобретают данные нумизматики, позволяющие представить циркуляцию ценностей в рамках формирующейся городской сети (работы В. В. Кропоткина, Т. Нунана, Р. Ковалева, А. В. Фомина и др.). Были систематизированы новые данные по памятникам рунической письменности, ранней картографии, значительно расширившие источниковую базу «варяжской» проблемы.

Наряду с этим введением в научный оборот новых данных сформировалась тенденция к реанимации традиционного антинорманизма, включающая как тиражирование без научного комментария работ Д. И. Иловайского и С. А. Гедеонова, так и составление эпигонских сочинений, пытающихся подменить исторический анализ старыми догадками о происхождении названий «русь» и «варяги», конструкциями вроде «Русского каганата» — варианта Приазовской Руси Иловайского и т. п.¹¹ Эти казусы современной историографии получили своевременную оценку в научной литературе¹². Чтобы придать донаучным конструкциям видимость ученой традиции, А. Н. Сахаров приписал В. Н. Татищеву «исследование» происхождения варягов с опорой на неведомые источники, в то время как русский историк прямо ссылаясь на средневековую этимологическую конструкцию (М. Стрыйковский и др.), отождествлявшую по созвучию варягов и полабское племя вагров¹³. Адептами этой конструкции стали М. В. Ломоносов и его современные последователи (А. Н. Сахаров, В. В. Фомин и др.).

Чтобы преобразовать заморских варягов летописи в «своих» полабских вагров, необходимо было игнорировать содержание летописной легенды, где к варягам были отнесены свие (шведы), урмане (норвежцы и датчане?), англяне (!), готы (жители Готланды) и русь, но никоим образом не балтийские славяне, известные летописи под именем поморян в совершенно ином — небалтийском контексте¹⁴. Для этого пригодилась старая догадка антинорманистов XIX в. о том, что англяне и Англия начальной летописи — это не Британские острова, а та область на юге Ютландии, откуда происходили англы периода англо-саксонского завоевания Британии¹⁵. И хотя об этих событиях и их географии летописи ничего неизвестно, было бы удобно разместить начальную — славянскую — русь где-то между

⁶ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005.

⁷ Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002; Старая Ладога — древняя столица Руси: каталог выставки. СПб., 2003.

⁸ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

⁹ Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. М., 2007.

¹⁰ Hårdh B., Wyszomirska-Werbart B. (eds.). Contacts across the Baltic Sea. Lund, 1992; Cultural Interaction between East and West. Stockholm, 2007 (там же список работ И. Янсона); Duczko W. Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, Boston, 2004. См. также из отечественной историографии: Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2007.

¹¹ Ср.: «Антинорманизм». Сборник Русского исторического общества (далее — Сборник РИО). М., 2003. Т. VIII; Галкина Е. С. Тайны русского каганата. М., 2002.

¹² Котляр Н. Ф. В тоске по утраченному времени // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 343–353; Мишин Д. Е. Рец. на кн.: Галкина Е. С. Тайны русского каганата. М., 2002 // Славяноведение. 2003. № 4.

¹³ Ср.: Татищев В. Н. История Российская. М., 1994. Ч. 1. С. 290; Сахаров А. Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // «Антинорманизм». Сборник РИО. Т. VIII. Татищев следовал в этой кабинетной этимологии Байеру, который сопоставлял термин *варяг* с древнескандинавским словом *vargr* 'волк, изгой, разбойник'; этот «волчий» эпитет ассоциировался с именем полабских вильцев («волков») и т. п. В современной филологии принято значение термина *варяг* как обозначение воина, давшего клятву верности *vár* (см.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2).

¹⁴ Повесть временных лет. 2-е изд., исправл. и дополн. СПб., 1996. С. 8, 13.

¹⁵ Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. М., 2005. С. 422 и сл.

ютландскими англами и готами — на южном берегу Балтийского моря, рядом с ваграми и островом Рюген, давно вызывавшим народно-этимологические ассоциации с именем *русь*. Ближе к контексту летописи оказывается упомянутая гипотеза Б. А. Рыбакова, согласно которой именно англ, оказавшиеся в конце XI в. при дворе русских князей, внедрили в летописный текст «чуждую» славянской редакции летописи варяжскую легенду. Летописная традиция не может быть сведена, однако, к прямолинейным конструктам «исторической школы». В том же XIX в. было замечено (А. Я. Гаркави), что космографический контекст варяжской легенды соответствует космографии средиземноморского (Италия) источника второй половины X в. — книге Иосиппон, где *русь* упомянута рядом с англами и саксами на Великом море (Балтийское море считалось заливом океана). Упоминание саксов не может служить здесь обоснованию южнобалтийской локализации руси, ибо составитель Иосиппона представлял описание с точки зрения южного наблюдателя: далее упоминается Германия (Алемания) и лангобарды¹⁶. Схожие взгляды, объединявшие норманнов (ал-маждус) и англичан (инклиш), сохранялись в арабской географии до XIV в.¹⁷

Но дело не в этих «общих местах» средневековой космографии. Существеннее для понимания варяжской легенды новые археологические находки, проливающие свет на порядок взимания дани в Новгородской земле, т. е. на те исторические обстоятельства, с которыми и связана летописная легенда. Обнаруженные в Новгороде замки — «пломбы», опечатывавшие мешки с пушниной, на усадьбах самих новгородцев (с X в. дань не связана с функциями княжеской власти), привели В. Л. Янина к заключению о смысле легенды о призвании варяжских князей: «Древнейший известный сегодня в Новгороде такой «замок» датируется концом X в., однако подобные находки в слоях X в. польского Волина и ирландского Дублина позволяют заключить, что сам обычай применения таких устройств имеет норманнское происхождение, а ограничение княжеской власти в столь важной области, как сбор государственных доходов и формирование государственного бюджета, восходит, скорее всего, к прецедентному договору с Рюриком, заключенному в момент его приглашения союзом северо-западных племен»¹⁸. К перечисленным находкам замков следует добавить (в связи с контекстом варяжской легенды) цилиндр из Белоозера, упомянутый в специальной публикации замков у В. Л. Янина¹⁹, — ведь «на Белоозере», по варяжской легенде, сел один из призванных князей, Синеус.

Можно спорить о содержании «ряда» с призванными князьями, но невозможно исключить скандинавов из жизни Новгорода и балтийских центров: Волин поморьян входит в зону скандинавской колонизации²⁰, как и Дублин в Ирландии (город стал объектом норманнской агрессии с началом эпохи викингов в конце VIII в., как и Англия); упоминавшийся Рюген и устье Одера также были колонизованы в эпоху викингов — существенно, что скандинавы оседали в формирующихся городских центрах²¹. Естественно, что и побережье юго-восточной Прибалтики, от Пруссии до Эстонии²² и Финляндии, не было изолировано от миграционных процессов: Балтийское море было удобной дорогой для миграций²³.

На круглом столе по проблемам варягов на Балтике обсуждался вопрос о возможности поисков истоков летописных варягов не собственно в Скандинавии, а на южном славянском побережье, колонизованном скандинавами. При этом А. А. Гиппиус подчеркивал безосновательность сближения

¹⁶ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. М.; Смоленск, 1995. С. 38.

¹⁷ Калинина Т. М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилю в 844 г. // ДГ. 1999. М., 2001. С. 198.

¹⁸ Янин В. Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 210.

¹⁹ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 44. Рис. 12.

²⁰ Ср.: Duzcko W. Scandinavians in the Southern Baltic between the 5th and the 10th centuries A. D. // *Origins of Central Europe*. Wars., 1997; Duzcko W. Obecność skandynawska na Pomorzu i Słowiańska w Skandynawii we wczesnym Średniowieczu // *Salsa Cholbergensis / Kołbrzeg w Średniowieczu*. Kołbrzeg, 2000.

²¹ Warnke D. Frühe Stadtentwicklung an der südliche Ostseeküste zwischen Odermündung und Lübecker Bucht // *Frühgeschichte der europäischen Stadt*. Berlin, 1991. S. 200—206.

²² См. из недавних работ: *Archaeology East and West of the Baltic*. Edited by Ingmar Jansson. Stockholm, 1995; *Cultural Interaction between East and West*. Stockholm, 2007; *Mägi M. At the crossroads of space and time*. Tallinn, 2002.

²³ См. о значении Балтийского моря как объединяющего север континента с эпохи неолита: *Werbart B. One Sea? Many Landscapes and Human Interaction?* // *Cultural Interaction between East and West*. P. 218—224.

племенного имени *вагры* с названием *варяги*, но балтийские связи Новгородчины дают простор для традиционных спекуляций, связанных как со славянским происхождением варягов, так и с «фрисландским» происхождением Рюрика. «Подбор» археологических реалий для обоснования этих концепций ничем не отличается от подбора созвучий при отождествлении разных имен (вагры/варяги). Так, камерная гробница, открытая в скандинавском некрополе в урочище Плакун под Ладогой, вызывает ассоциации с камерными погребениями Хедебю в Дании, а найденный там фризский кувшин порождает романтические идеи чуть ли не о могиле самого Рюрика в том же некрополе. С уточнениями датировки могильника выступил недавно К. А. Михайлов, который отнес начало функционирования могильника к началу X в., отвергнув романтические интерпретации его погребений²⁴. Датские камерные могилы относятся к более позднему времени, большая часть скандинавских древностей Ладоги и Восточной Европы в целом происходит из Средней Швеции.

Центры скандинавской колонизации в Прибалтике сформировались еще в довикингскую эпоху: таковы памятники в Пруссии (Эльблонг/Трузо)²⁵, в Латвии (Гробини), в Эстонии (прежде всего, на острове Сааремаа)²⁶, наконец, Ладога в низовьях Волхова (древнейшая постройка датируется 753 г.). Ладога оказывается древнейшим русским городом и претендует в некоторых построениях на роль «первой столицы» Руси²⁷: существенно, что в восточноевропейской «глубинке», даже в истоках Волхова, скандинавы оседают только к середине IX в., в 60-е годы IX в. скандинавская дружина появляется на новгородском «Рюриковом» Городище, что напрямую соотносится с летописным призыванием варягов²⁸. Неясно, столицей какого объединения могла быть Ладога до середины IX в. (представления о некоем Русском каганате со столицей в Ладоге и даже на Городище остаются историографическим фантомом)²⁹, но очевидно, что Ладога становилась важным рубежом на пути варягов в глубь Восточной Европы, чтобы участвовать в перераспределении лесных богатств — получать «варяжскую дань». В устье Волхова приходилось менять технику плавания: до Ладоги еще можно было добираться на морских судах под парусом, как свидетельствуют саги³⁰, далее нужно было идти на веслах (против течения). Дружины, шедшие по рекам на гребных судах, не называли себя викингами: они именовались «гребцами», что в славянской передаче звучало как *русь*³¹. На юге Балтики они называли себя иначе, о чем свидетельствует одно из замечательных заимствований в прусском языке, относящееся к обозначению высшего слоя прусского общества, — *витинги*. Оно отражает скандинавское название участников морского похода — викинг, как и древнее славянское **vitędzъ*, др.-рус. *витязь*, «герой», «дружинник»³². Очевидно, что заимствование распространилось в Польше и на Руси при посредстве балтийских славян, имевших дело с викингами. При этом термин «витязь» не стал распространенным обозначением дружинника на Руси. Таковыми стали термины *русь*, *русин*: «вся русь» легенды о призвании варяжских князей, равно как и «вся русь», что была под рукой Олега согласно договору с греками 911 г., — обозначение дружины.

²⁴ Михайлов К. А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 63–68. Связь с традициями Дании и Британских островов обнаруживает небольшая, но яркая коллекция золотых находок из Восточной Европы: Енисова Н. В. Золото викингов на территории древней Руси // У истоков русской государственности. С. 307–315.

²⁵ Wyszomirska-Werbart B. Scandinavia and the Eastern Baltic during the Migration period. The cultural interactions // Hårdh B., Wyszomirska-Werbart B. (eds.) Contacts across the Baltic Sea. Lund, 1992.

²⁶ Mägi M. At the crossroads of space and time.

²⁷ Старая Ладога — древняя столица Руси: каталог выставки.

²⁸ Ср. Янин В. Л. О начале Новгорода. С. 210.

²⁹ Ср.: Мачинский Д. А. Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога. Древняя столица Руси. С. 22; Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. С. 343–351.

³⁰ Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 324 и сл.

³¹ Ср.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38; Andersson T. Rus' und Wikinger // Arkiv för nordisk filologi. V. 122, 2007. S. 5–13.

³² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I. С. 322–323; см. также литературу о происхождении термина *витинг*: Кулаков В. И. Прусы (V–XIII вв.). М., 1994. С. 155. Догадку о происхождении термина *витинг* высказал еще В. Н. Татищев: Татищев В. Н. История Российская. С. 302.

Конечно, процессы государствообразования не сводились к перемещениям русских дружин по рекам Восточной Европы. Исследователь новгородского Городища Е. Н. Носов деликатно характеризует комплекс скандинавских находок с Городища как «вуаль» — термин призван продемонстрировать, что скандинавские находки лишь «прикрывают» восточноевропейскую основу культуры Городища; вместе с тем концентрация находок в слое поселения схожа, по мнению И. Янсона, с ситуацией в главном скандинавском городе на пути из варяг в греки — Бирке³³. Находки характеризуют яркие черты скандинавского убора и религиозного быта (амулеты, в том числе привеска с рунической надписью, фигурка валькирии), более того, обнаружены следы производства скандинавских вещей. Обитатели Городища демонстрировали свою причастность к варягам из-за моря.

Скорее, термин «вуаль» подходит для характеристики менее ярких находок из Изборска и Белоозера: в Изборске серийными являются и находки вещей, свойственных как Восточной Европе, так и Юго-Восточной Прибалтике и Скандинавии (односторонние гребни, ключи, кресала, кольцевидные булавки³⁴, подковообразные фибулы, ланцетовидные стрелы, ледоходные шипы и т. п.). Что касается Белоозера, то проблема сводится не только к тому, что в регионе нет древностей, синхронных летописному призванию³⁵. Город, где сидел бы летописный Синеус, не обнаружен. Зато неподалеку на Шексне раскопано поселение на всхолмлении с соответствующим названием «Крутик» (поселение было лишено искусственных укреплений), где были найдены куфические монеты, весовые гирьки и чашечки весов, вещи скандинавского происхождения, обнаружены следы бронзолитейного производства, но более всего — следы пушной охоты на бобра (остеологический материал и охотничьи стрелы), относящиеся к IX в. Как и в случае с Изборском, было бы наивным искать в материалах Крутика прямую «иллюстрацию» варяжской легенды. Вне зависимости от историчности братьев Рюрика материалы всех перечисленных памятников служат пониманию исторической ситуации, предопределявшей, среди прочего, и содержание варяжской легенды. Комплекс скандинавских находок Белоозерской округи описан С. Д. Захаровым, но он датируется в пределах второй половины X в. — так датируется подавляющее большинство скандинавских комплексов Восточной Европы. Дело в том, что в древнем некрополе Белоозера открыты остатки трупосожжений, включая женские, в одном из которых — остатки скандинавской скорлупообразной фибулы второй половины IX—X в.; и, хотя открытый памятник представляет собой остатки разрушенного некрополя, его исследователи усматривают в этих остатках свидетельства «культурной метисации, скрещивания финских, славянских и скандинавских культурных элементов на Белом озере»³⁶. Ситуация в некрополе Белоозера соответствует ситуации в Верхнем Поволжье, связанном с Белоозерем системой водных коммуникаций. Главным памятником эпохи призвания варягов в Верхнем Поволжье было Сарское городище — племенной центр мери, принимавшей, по летописи, участие в призвании князей и входившей в племенную конфедерацию кривичей и словен. На Крутике и в регионе Белоозера очевидно присутствие мерянского этнического компонента³⁷. Если учесть, что Верхнее Поволжье, как и Белоозерье, Поволховье и бассейн Великой (на границе с чудью — Изборск), было зоной кривичско-словенской колонизации, то становится ясным, что в процессы колонизации

³³ Ср.: Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990. С. 147–149; Янсон И. Скандинавские находки IX—X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 36–37.

³⁴ Несколько экземпляров этих предметов скандинавского происхождения найдено в Изборске и Белоозере: в этом отношении последняя сводка булавок устарела, ср.: Седов В. В. Изборск. С. 288–291; Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. Рис. 210; Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории древней Руси // Славяне и финно-угры. М., 2006. С. 130–140.

³⁵ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. С. 107–108.

³⁶ Макаров Н. А., Новикова Г. Л. Древнейший некрополь летописного Белоозера // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 119–133.

³⁷ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. С. 123 и сл.

включались и группы скандинавов³⁸. Присутствие этих этнических групп на одних и тех же поселениях, участие в дележе добываемых и поступающих богатств приводило к ситуациям, описанным летописной легендой о призвании варяжских князей.

Определявшим судьбы Восточной Европы миграционным процессом было расселение славян. С открытием специфики новгородского (словенского) диалекта А. А. Зализняком, обнаружившим его западнославянские черты, особый интерес стали вызывать западнославянские — балтийские составляющие древней культуры Новгородчины³⁹. Степень участия западнославянского населения в славянских миграциях на востоке дискутируется⁴⁰, но очевидны и импульсы с юга: система укреплений новгородского Городища находит параллели в древнем Киеве⁴¹; до Ладоги доходили культурные импульсы со среднего Дуная⁴²; некоторые типы свинцово-оловянных украшений на Северо-Западе Восточной Европы обнаруживают истоки в Приднестровье⁴³.

Славяне открыли трансконтинентальные речные пути Восточной Европы, которыми воспользовались дружины начальной («варяжской») руси. Проникновение в глубь континента и к мировым рынкам зависело от отношений со славянами. На установление этих отношений («ряда») и были направлены усилия первых русских князей.

³⁸ Уникальное свидетельство существования отдельного сезонного лагеря таких «гостей» (ср. погост как обозначение стана для дружины, собирающей дань) обнаружено А. Е. Леонтьевым возле Сарского городища: лагерь, возможно, и просуществовал один летний сезон в начале X в.; его инвентарь — предметы вооружения (в том числе скандинавского происхождения), весовые гири, серебряные восточные монеты — свидетельствует о занятиях «гостей» (Леонтьев А. Е. Археология мери. М., 1996. С. 99–103).

³⁹ Янин В. Л. О начале Новгорода. С. 206–207.

⁴⁰ См., в частности, о проблематичности центральноевропейского происхождения культуры длинных псковских курганов (приписываемых кривичам): Фурсов А. Г. Климатические изменения на Северо-Западе Русской равнины в I тыс. н. э. и генезис культуры псковских длинных курганов // Древности Подвinya: исторический аспект. СПб., 2003. С. 219–225.

⁴¹ Носов Е. Н. Тридцать лет раскопок на Городище: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. С. 35.

⁴² Diczko W. Viking Rus. P. 74–78.

⁴³ Щеглова О. А. Свинцово-оловянные украшения VII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 134–150.